

вовсе несообразно кажется. Нос — как гора, волос на усах — как дрова разбросали. Даже глядеть страшно, и смешно тоже. Народу тут и набилось густо. Старички, понятно, оговаривают: не до смеху, дескать, тут дело вовсе сурьёзное. А молодых разве угомонишь, коли на них смех напал! Шум подняли, друг над дружкой подшучивают. Таютку кто-то подтащил к самому зеркалу, да и кричит:

— Это вот тот большой парень зеркало открыл!

Другие отзываются:

— И впрямь так! Не будь Таютки, не смеяться бы тут. Таюткино зеркало и есть!

А Таютка помалкивает да ручонкой крепче своё маленькое зеркальце прижимает.

Ераско Поспешай, конечно, тоже услышал про этот случай — сразу выздоровел, спустился в шахту и пошёл к Ганиному забою. Вперёд шёл, так ещё про хворь помнил, а как оглядел место да увидел, что народ не боится, — сразу рысью забегал и закричал своим обычаем:

— Поспешай, ребятушки, к подъёму! Не до ночи вас ждать. Руднично дело мешкоты не любит. Эка невидаль — гладкое место в забое пришлось!

А сам другое смекает: «Напишу-ка я грамотку барыне. Тогда мне награда будет».

Ну, и написал. Так, мол, и так, стараньем надзирателя такого-то открыли в руднике диковинное зеркало. Не иначе, самой Хозяйки горы. Не желаете ли поглядеть?

На другой же день на семи ли, восьми тройках приехала барыня и первым делом потребовала к себе Ераска.

— Показывай, какое зеркало нашёл!

Приказчик, смотритель и другое начальство прибежали. Узнали дело, отговаривают: никак невоз-

можно женщине в шахту. Только уговорить не могут. Заладила своё:

— Пойду и пойду!

Делать нечего, стали её спускать. Начальство всё в беспокойстве, один Ераско радуется, рысит перед барыней, в две блёндочки ей светит. Довёл-таки до места. Оглядела барыня зеркало. Тоже посмеялась, какими оно людей показывает, потом барыня и говорит Ераску:

— Ты мне это зеркало целиком вырежь, да в мой дом доставь!

Ераско давай ей втолковывать, что сделать это никак нельзя, а барыня своё:

— Хочу, чтоб это зеркало у меня стояло, потому как я хозяйка этой горы!

Только проговорила, вдруг из зеркала рудой плюнуло. Барыня завизжала и без памяти повалилась.

Суматоха поднялась. Начальство подхватило барыню да поскорее к выходу. Один Ераско в забое остался. Его, видишь, тем плевком с ног сбило и до половины мелкой рудой засыпало. Вытащить его вы-

тащили, да только ноги ему по-настоящему отшибло — больше не поспешал и народ зря не полошил.

А зеркала в горе не стало: всё осыпалось.

Зато у Таютки зеркальце сохранилось. Большого счастья оно не принесло, а всё-таки свою жизнь она не хуже других прожила. Зеркальце-то, сказывают, своей внучке передала. И сейчас будто оно хранится, только неизвестно у кого.

